

Митрополит Иларион: Призрак «христианофобии» бродит по Европе

Интервью председателя ОВЦС митрополита Волоколамского Илариона «Российской газете» («Российская газета», федеральный выпуск №5449 (73) от 7 апреля 2011 года).

– Владыка, можно ли сегодня говорить, что христианство активно наступает во всем мире? Или оно, скорее, остается гонимым?

– Исследования показывают, что христиане сегодня являются самой дискриминируемой и гонимой группой среди религиозных конфессий. В тех землях, где христианство существовало веками и занимало лидирующие позиции, сегодня происходят гонения на христиан, они вынуждены покидать родные места и уходить в изгнание.

Такая дискриминация приобретает очень ярко выраженные формы и большие масштабы в целом ряде мусульманских стран. Достаточно упомянуть об Ираке, где большое количество христианских семей было вынуждено покинуть страну уже после смены власти, вспомнить Пакистан, где совсем недавно был убит министр-христианин. Христиан убивают и в такой стране, как Индия, в некоторых регионах Филиппин, в целом ряде других государств.

Но при этом сама проблема христианофобии много лет замалчивалась в Европе. Европейские политики, движимые духом политкорректности, много говорили о недопустимости антисемитизма, исламофобии, других проявлений религиозной или этнической нетерпимости, но почему-то обходили молчанием тему «христианофобии». Лишь в самые последние месяцы об этом заговорили. И в январе этого года была принята, на мой взгляд, революционная резолюция

Европарламента, в которой впервые были перечислены факты гонений на христиан в различных странах мира и предложен конкретный механизм осуществления помощи им. Я думаю, что тема христианофобии также должна рассматриваться в контексте межхристианского сотрудничества. Совместно с христианами других конфессий мы должны защищать христианские меньшинства в тех странах, где они подвергаются гонениям.

– Недавно, выступая на международном конгрессе в Германии, Вы заявили, что Русской Православной Церкви и Римско-Католической Церкви следует воспринимать друг друга не как соперников, а как союзников – прежде всего в деле защиты прав христиан. Как двум Церквам выработать союзнические позиции, не повреждая своей целостности?

– То, к чему я призываю, по сути дела, прямо противоположно униатству, которое является путем сближения на основе вероучительных компромиссов. Я призываю к тому, чтобы без каких-либо компромиссов в области вероучения и без попыток искусственно нивелировать те различия, которые у нас существуют в области догматики, учения о Церкви и о первенстве во Вселенской Церкви, без претензии на решение всех существующих между нами проблем мы бы научились взаимодействовать как союзники, не будучи при этом единой Церковью, не имея единой административной системы, евхаристического общения и различаясь в тех пунктах, в которых мы различаемся. Это особенно важно в свете тех общих вызовов, которые стоят перед православными и католиками. Это, прежде всего, вызов расцерковленного мира, который равно враждебен сегодня и православным, и католикам, вызов агрессивных течений ислама, вызов морального растления, распада семьи, отказа очень многих людей в традиционно христианских странах от традиционного семейного уклада, либерализм в области богословия и нравственности, который разъедает христианское сообщество изнутри. На эти и целый ряд других вызовов мы можем отвечать вместе. Нам нужны не вероучительные компромиссы, но сотрудничество и взаимодействие.

– Если каждое поколение – это отдельная культурная единица, то времена жизни Церкви тоже, наверное, различаются. Многие обращают внимание на то, что при новом Патриархе заметна такая линия преобразования церковной жизни, как обретение управляемости, прозрачности, юридической оформленности. А что бы Вы сказали о характере времени, которое мы сейчас переживаем в своей церковной истории?

– За два года, прошедших со времени избрания Святейшего Патриарха Кирилла, в структуре церковного управления, действительно, произошли очень существенные изменения. Многие направления деятельности конкретизировались, более четко разделились сферы ответственности руководящих органов Церкви. Перед подразделениями Московского Патриархата ставятся более конкретные задачи, а Святейший Патриарх детально вникает в тематику и проблематику их

работы. В результате можно сказать, что система управления стала более эффективной. Но для чего нужно оттачивать и совершенствовать систему церковного управления? Церковь всегда имела и ощущала свой миссионерский императив. Она присутствует в мире для того, чтобы просвещать людей. Помогать им в поиске смысла жизни. Если хотите, ее можно сравнить с армией – войском, состоящим из людей, готовых к активной миссионерской работе. Но мы не сможем эффективно решать миссионерскую задачу, если у нас не будет эффективной системы церковного управления. Сегодня эта система выстроена очень четко. Все основные сигналы исходят от Святейшего Патриарха и от высших органов церковного управления, в частности, от Архиерейского Собора. Они достигают архиереев, от архиереев переходят к духовенству и мирянам, и таким образом осуществляется творческое участие всех членов церковного организма в огромной миссионерской работе.

– Владыка, какую бы Вы предложили метафору для обозначения того периода, который переживает сегодня Церковь?

– Это время борьбы. Церковь всегда – с момента своего создания Господом Иисусом Христом – находилась в ситуации противостояния с *миром сим* (ср. 1 Ин. 2. 16). Этот конфликт принимал разные формы. Иногда Церковь была гонимой, иногда существовала в благоприятных условиях, но мир, в котором царствует грех, всегда противостоял ее усилиям, направленным на духовное и нравственное просвещение людей. Хорошее сравнение привел Ф.М.Достоевский: сердце человека - это поле битвы между Богом и дьяволом.

Церковь – это армия, которая борется за то, чтобы в мире царствовали абсолютные нравственные ценности и идеалы, а секулярное общество очень активно противостоит ей в этой борьбе. И силы, конечно, неравны. Представители секулярного мировоззрения в количественном отношении часто превосходят представителей религиозного. Причем борьба идет не за богословские истины. Наша миссия заключается не только в том, чтобы доказывать людям существование Бога, и уж тем более не в каких-то институциональных интересах. Эта борьба прежде всего за человеческую душу. За будущее наших детей и тех стран, в которых мы живем.

Приведу лишь один пример необходимости этой борьбы. Сегодня во всех развитых странах, вне зависимости от их экономического положения, примерно одинаковая демографическая ситуация. Уровень жизни в России отличается от уровня жизни в Швеции, а демографическая проблема и там и там стоит одинаково остро. И причина нежелания абсолютного большинства супружеских пар иметь нескольких детей – вовсе не экономического, а «идеологического» свойства. Утрачено само представление о многодетной семье как о счастливой семье, о том, что дети – это Божие благословение. Если раньше у двух человек могло быть 5 детей, 15 внуков и 45 правнуков, то сегодня у 20 человек будет 15 детей, 6 внуков и 2 правнука. И эта тенденция к вымиранию –

зримое проявление того, что шкала нравственных ценностей у современного человека не соответствует той, на которой веками строились мировоззрение и жизнь людей. Вот почему я говорю, что это борьба за человеческую жизнь, за будущее наших народов, а не богословский спор.

– **Очень часто миссия Православия воспринимается как хранение истины.**

Охранительные настроения и мотивы очень сильны и часто становятся лейтмотивами, а то и гиперболизируются. Явная гиперболизация собственных страхов и культурного шока перед техническими новшествами – боязнь электронных карточек, мобильных телефонов, штрих-кодов и т.п. Охранительный настрой включается и когда речь идет о межконфессиональных отношениях, об экуменизме. Можно ли сказать, что главная миссия Церкви – охранительная? Можно ли назвать Церковь консервативным институтом?

– Да, Церковь – это консервативный институт. Думаю, здоровый консерватизм является ее отличительным признаком. Ведь для Церкви, для всей ее жизни не характерен разрыв с прошлым.

В истории нашего Отечества в течение столетий мы наблюдали несколько радикальных мировоззренческих ломок, основанных на идее разрыва с прошлым. Вспомним реформы Петра I, которые затронули систему не только государственного, но и церковного управления, культуру, искусство, человеческий быт. По сути дела, петровские реформы были весьма радикальным разрывом с прошлым. Еще более радикальной была Октябрьская революция 1917 года, когда мировоззренческий разрыв и декларировался как таковой. «Мы старый мир разрушим... Мы наш, мы новый мир построим», – вот пафос реформаторов, которые пришли к власти в 1917 году. Мы знаем, чем обернулось это горе-реформаторство для нашего Отечества и для народа: миллионами безвинно погибших людей.

Еще одна ломка – 1990-е годы. Разрушалось великое государство, на его месте создавались новые, происходили острые межнациональные конфликты, многие люди почувствовали, что у них уходит из-под ног земля. Так вот, для Церкви не характерны такие разрывы с прошлым. Для нее важным является понятие «Традиции» с большой буквы, или «Предания» (слово «предание» – это и есть русский эквивалент латинского слова «традиция»).

Предание – это преемственность опыта из поколения в поколение. Отказ от этой преемственности означает не только разрыв с прошлым, но и некую радикальную трансформацию настоящего, которое неизбежно скажется на будущем. И Церковь в этом смысле очень консервативна. Она ценит и свое прошлое, и свое настоящее. Ее будущее вырастает из них. Реформы в Церкви могут

касаться лишь внешних форм, но никогда не коснутся существа ее жизни – основных богословских истин и основ церковного строя. И в этом смысле очень важно, чтобы в Церкви сохранялся здоровый консерватизм, чтобы она продолжала осуществлять свои охранительные функции в отношении всего того, что является Преданием.

Но от Предания с большой буквы следует отличать предание с маленькой – различные традиции местного или временного характера, которые могут меняться. И здесь очень важно, чтобы Церковь была открыта к здоровому умеренному либерализму. При абсолютной бескомпромиссности в вероучительных и нравственных вопросах она должна быть открыта к различным аспектам культурной жизни человека. Ее восприятие окружающей действительности должно быть очень спокойным и благожелательным, так как Церковь существует и действует в очень разных культурных контекстах, излагая свое учение разным языком и на разных этапах развития человеческого сообщества. Думаю, что сочетание здорового консерватизма с открытостью к вызовам современности должно быть присуще Православной Церкви на всех этапах ее исторического бытия. Нет никакого противоречия, например, между сохранением чистоты Православия и контактами с инославными христианами в тех рамках, в которых это не противоречит церковному Преданию.

Вы упомянули экуменизм. Экуменизм экуменизму рознь. Существуют его нездоровые формы, когда размываются границы между конфессиями, а вся межхристианская деятельность направлена на поиск вероучительных компромиссов. Православная Церковь такой компромисс не приемлет. Но если речь идет о диалоге с инославными христианами с целью лучше уяснить те различия, которые между нами существуют, и наладить систему взаимодействия, несмотря на эти различия, то, думаю, что такие формы межхристианского общения мы должны приветствовать. И они уж точно никоим образом не вредят чистоте Православия.

То же самое могу сказать и об электронных карточках – карточки карточкам рознь. Одно дело, когда речь идет о кредитной карточке, которой человек пользуется, чтобы снять деньги в банкомате или расплатиться в магазине, и совсем другое, когда речь – о некой персональной карте, куда будут заноситься все сведения о жизни и деятельности человека, его банковских счетах, состоянии здоровья, передвижениях. Это разные степени контроля государственной системы над человеком.

– Как бы Вы оценили развитие богословской культуры в нашей Церкви?

– Богословие – это тот фермент, на котором строится вся жизнь Церкви. Та основа, без которой ее существование невозможно. Отцы Церкви говорили, что богословие – это, прежде всего, богообщение, живая связь между человеком и Богом. Богослов в древней Церкви не сидел в

кабинете, обложенный книгами других богословов. Все великие отцы Церкви были, прежде всего, церковными деятелями, либо епископами, осуществлявшими церковное управление, либо преподобными отцами, молившимися в тишине своих келий или в пустынях... Но ни один из них не был кабинетным ученым, каковыми являются многие современные богословы.

А раз богословие – это живая связь человека с Богом, его способность выразить свой собственный религиозный опыт и современным, доступным языком передать его религиозной общине, к которой он принадлежит, то очевидно, что оно не может быть оторвано от современной действительности. Вот почему богословие, при сохранении существа веры и вероучения, должно уметь выражать вероучительные истины языком данной эпохи. Вот почему важно, чтобы богословие как одна из отраслей гуманитарной науки получило официальное признание в нашей системе образования. Сегодня факультеты теологии уже есть в целом ряде университетов, но процесс вхождения богословия в систему светского образования еще очень далек от завершения.

– Как глава Синодального отдела внешних церковных связей скажите, чем церковная внешняя политика и церковная дипломатия отличаются от светских?

– Сфера деятельности Отдела внешних церковных связей очень широка и разнообразна. Во-первых, мы осуществляем связи Русской Православной Церкви со всеми другими Поместными Православными Церквями. Эта деятельность основывается на том, что между Поместными Церквями существует полное евхаристическое общение и нет никаких разногласий в области догматики, нравственности, в социальном учении. Однако могут существовать различные подходы в отдельных практических аспектах церковной жизни. Бывают также и «территориальные» споры, когда в силу исторических обстоятельств две Православные Церкви претендуют на одну и ту же территорию. И поддерживая братский характер отношений с Поместными Православными Церквями, мы в то же время в некоторых случаях должны защищать интересы своей Церкви.

Если же говорить о взаимоотношениях с иными христианскими конфессиями, то их формат и тематика очень сильно варьируются в зависимости от того, насколько та или иная конфессия близка к нам или, наоборот, далека от нас в своем вероучении и церковной практике. Наиболее близкими к нам в вероучительном плане является Римско-Католическая Церковь и Восточные Православные, так называемые Дохалкидонские, Церкви, которые не состоят с нами в евхаристическом общении, но сохранили учение о Церкви и о церковных Таинствах, идентичное нашему учению. Гораздо дальше от нас отстоят различные протестантские деноминации.

Помимо вероучительных различий в последние десятилетия наметилась еще одна очень важная сфера радикальных различий – это сфера нравственного учения. Целый ряд протестантских общин и конфессий в последние десятилетия стал на путь ревизии христианского нравственного

учения с целью максимальным образом приспособить его к современным секулярным стандартам. Сегодня уже есть протестантские общины, которые признают однополый союз одной из форм брака. Есть даже такие, где введены ритуалы благословения таких союзов. Есть протестантские конфессии, где практикующих гомосексуалистов рукополагают в высшие церковные степени. Мы не только не можем согласиться с такими нововведениями, но в некоторых случаях разрываем отношения, прекращаем какое бы то ни было общение с этими организациями, поскольку для нас такого рода позиции абсолютно неприемлемы.

Кроме того, Отдел внешних церковных связей осуществляет контакты с представителями иных религий. Наше общение с ними направлено, прежде всего, на поиск мирного сосуществования и путей взаимодействия в тех областях, в которых мы можем взаимодействовать. И таких областей очень много. С некоторыми представителями иных религий у нас имеется и богословский диалог. В частности, уже более десяти лет он ведется между Русской Православной Церковью и мусульманами Ирана. В ходе него затрагивается очень широкий спектр тем: например, наше понимание загробного существования или понимание миссии религии в современном мире.

Еще одной сферой деятельности Отдела являются контакты и взаимодействие с нашими соотечественниками за рубежом.

– Владыка, Вы не боитесь рассказывать широкой публике о своей личной жизни. Например, на лентах появлялось сообщение о том, что вы стали монахом, потому что любимая девушка не ответила на ваши чувства взаимностью.

– Нет, я стал монахом не поэтому. Девушка действительно была и действительно не ответила взаимностью, но не это было причиной моего ухода из мира, а то призвание к монашеству, которое я ощущал с юности. Даже не столько к монашеству, сколько к церковному служению. Служению алтарю.

– Что происходит в Церкви с творческим началом, которое есть в человеке?

– Церковь предоставляет очень широкие возможности для развития человеческой личности, в том числе ее творческого потенциала. Но если говорить о тех, кто связал свою судьбу с церковным служением: священнослужителях, монашествующих, – то их творческий потенциал может раскрываться только в канонических рамках, поскольку для священнослужителя на первом месте стоят не его собственная воля, таланты, амбиции, а то, чего от него требует и ожидает Церковь. Человек, становясь священником или монахом, поступает в послушание Церкви. Принадлежа Церкви, такой человек, как воин, не принадлежит себе и воюет с тем врагом, с которым воюет его армия. Он проводит время не так, как, может быть, ему бы хотелось, а так, как требует от него

начальство. И занимает место, которое ему определено, а не то, которое, может быть, он хотел бы занимать. И выполняет прежде всего церковные послушания, а не то, что он пожелал бы выполнять.

– Вы музыкант, композитор. Вашей «визитной карточкой» для многих остается ваш музыкальный талант. Сегодня вам удастся писать музыку?

– Я с самого раннего детства учился музыке. Она оказала существенное влияние на формирование и моей души, и моего мировоззрения, и моих эстетических стандартов. Но когда я в двадцать лет принял монашество, то отречение от мира для меня включало и отречение от композиторской деятельности. И в течение последующих двадцати лет я не писал музыку. Причем не только потому, что я это себе запрещал, но и потому, что не было никакой внутренней потребности ее писать. И только на сороковом году жизни внезапно вернулся к композиторской деятельности и в течение двух с половиной лет написал несколько крупных музыкальных произведений. Меня иногда спрашивали, в чем секрет моей творческой производительности? А секрета не было, просто было острое чувство, что время, которое мне дано на творческую деятельность, отмеряно. Меня подгоняло ощущение, что рано или поздно эта возможность спокойно сидеть за компьютером или перед нотным листом у меня отнимется.

Когда я стал председателем Отдела внешних церковных связей, пропало время для того, чтобы заниматься музыкой. Для того, чтобы писать музыку, ты должен забыть обо всем остальном хотя бы на несколько часов, а лучше – дней, недель, месяцев. В моем положении сейчас это невозможно. Я должен ежедневно, и в выходные, и в дни отпуска, держать в голове огромное количество информации, отслеживать сюжеты, развивающиеся вне зависимости от моей воли. Я не имею права отключиться от этого и погрузиться в мир музыки. Поэтому те минуты вдохновения, которые я испытывал, когда писал «Страсти по Матфею» или симфонию «Песнь восхождения», остались для меня в прошлом. Не исключаю, что последует еще один двадцатилетний перерыв в моих музыкальных занятиях. Но повторю: Церковь открывает очень широкие возможности для творчества, гораздо более широкие, чем может показаться на первый взгляд. И та церковная деятельность, которой я занимаюсь сейчас, тоже имеет творческий характер и требует творческих подходов.

– Вы одним из первых сказали, что Церковь должна отвечать на вызовы современности. Какие изменения сегодня происходят в Церкви, какой мы хотим видеть Церковь в результате? Не похож ли период, который мы сейчас переживаем, на тот, что католики переживали после Второго Ватиканского собора?

– Думаю, что Второй Ватиканский собор невозможно оценить однозначно. Даже в Католической

Церкви существуют очень разные оценки его решений, поэтому любое сравнение того, что происходит в Православной Церкви, со Вторым Ватиканским собором будет грешить многочисленными неточностями.

В Русской Православной Церкви в течение последних двадцати лет происходят беспрецедентные события. Началось и продолжается церковное возрождение невиданного масштаба. Сам за себя свидетельствует уже количественный рост Церкви. Но за ним стоят и многие качественные изменения. По сути дела, Церковь вышла из гетто и заняла подобающее ей место в общественном пространстве. Думаю, что точнее сравнить современную российскую церковную историю не со Вторым Ватиканским собором, а с периодом в истории Римской империи после Миланского эдикта императора Константина Великого, изданного в 313 году. Он позволил дотоле гонимой на протяжении трех веков христианской Церкви выйти из катакомб и занять то место, которое и подобало ей в обществе: заняться миссионерской, благотворительной деятельностью, образовательными проектами.

Но сегодня не только время церковного возрождения, но и время новых вызовов. Если раньше главным врагом Церкви был воинствующий атеизм, занимавший господствующие позиции в нашем государстве, то сегодня это воинствующий секуляризм – идеология, которая гораздо более тонко вкрадывается в сердца людей через систему светского образования, СМИ, культуру, соблазны мира сего. Думаю, именно это противостояние между Церковью, которая продолжает защищать вечные и абсолютные духовные и нравственные ценности, и *миром сим*, который рассчитан на потребительское отношение к жизни, и будет определять жизнь Церкви в ближайшие десятилетия.

Беседовала Елена Яковлева